

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СУБЛИМАЦИИ САМОСТИ В ПРАВОСЛАВНОМ КУЛЬТЕ СВЯТЫХ МОЩЕЙ

А.Г.Некита

POLITICAL AND IDEOLOGICAL OF SUBLIMATION OF THE SELF IN THE ORTHODOX CULT OF HOLY RELIC

A.G.Nekita

Гуманитарный институт НовгородГУ, beresten@mail.ru

Рассматривается процесс трансформации языческого почитания предков в культ святых мощей. Именно он становится материальным символом присутствия святости в пространстве церковных и монастырских общин. Этот культ сублимирует неосознанные внутренние потребности индивида в самосовершенствовании в эффективный механизм социального сплочения. Такие манипуляции власти с религиозными реликвиями, чувствами и разумом населения нивелируют подвижническую энергию иноков и формируют имперскую модель сакрализации и управления.

Ключевые слова: *иночество, архетип Самости, мощи, православие, язычество, паломничество, идеологическая фальсификация, социальный заказ*

The article deals with the process of transforming the pagan cult of ancestor worship in the holy relics. It becomes a real symbol of the presence of holiness in the space of the church and monastery communities. This cult sublimates unconscious internal needs of individual self-improvement into an effective mechanism for social cohesion. Such manipulation of power with religious relics, senses and mind of the population negate ascetic energy of monks form the imperial model of sacralization and management.

Keywords: *monasticism, archetype of the Self, holy relics, Orthodoxy, paganism, pilgrimage, ideological falsification, political order*

Общеизвестно, что христианское и языческое отношение к смерти и останкам умерших людей принципиально отличается. Если язычники рассматривают своих предков как незримо живущее рядом звено многопоколенческой коллективной семьи, то надстраиваемая православная традиция прилагает максимум усилий, чтобы создать и повсеместно внедрить не менее значимый сакральный образ «горних» и «внешних» умерших авторитетов. В то же время, идеологическая сублимация тысячелетней языческой традиции предполагала, кроме манипуляций, подмен и передергиваний, еще и мощное миссионерское иноческое подвижничество. В том числе и с помощью распространения ритуала почитания мощей, иноки должны были объединить старые, языческие представления с новыми, монотеистическими. Закономерно, что для утверждения идеологической доктрины христианства в Новгородской земле и в регионах, входящих в орбиту ее влияния, понадобился экспорт соответствующих атрибутов — святых мощей и других контактных реликвий, каждая из которых несла частицу космополитической божественной благодати.

Новая обрядность преобразовывала языческий культ «дедов» в почитание святых мощей. Согласно летописям, в середине XII века новгородцы с радостью встречали Добрыню Ядрейковича (впоследствии архиепископа Антония), которой привез из Константинополя мощи святых: «Пришьль [...] Добрыня Ядрыйковиць изъ Цесаряграда и привезъ съ собою Гробъ Господень [...]» [1, с.52]. Тот же Антоний Новгородец, делясь своими путевыми впечатлениями о пребывании в Царьграде, писал: «[...] Есть мона-

стырь святого пророка Или и в нем церковь, и в ней мощей святых множество, и на праздник по всей церкви поставляют столы и на них возлагают мощи святых» [2].

Религиозное сплочение язычников непременно должно было опираться на наличие подобных артефактов, которые находились в распоряжении каждой общины. В то же время, «если для древнерусского общества суверенитет церковной общины над реликвией осуществлялся, в том числе, и через личное обладание святыней, в силу значимости личности в древнерусском обществе и Церкви, то процессы, происходящие в обществе московской эпохи, можно расценить как лишение личности права на осуществление такого соборного суверенитета» [3, с. 365-366].

Скудость сведений о литургическом почитании мощей в XI—XIV веках связана не только с отсутствием источников на этот счет, но, по мнению А.Мусина, «свидетельствует об отсутствии фиксированных богослужебных последований, что в целом соответствует нашему предположению о том, что значительная часть мощей на Руси находилась в личном хранении» [3, с. 366]. Эти факты говорят о необычайно длительном переходном периоде от языческих практик к зрелому, институциональному православию. Хранение в личной собственности мощей и останков умерших, напрямую соответствует обрядовым традициям язычников, стремящихся, в том числе и через «домовины», сохранить не только духовную, но максимальную материальную близость умерших «дедов» с живыми потомками, потустороннего с по-

сюсторонним. Указанная особенность скорее иллюстрирует доминирование Самостных тенденций в древнерусской ментальности, которые со временем будут существенно политизированы.

В Западной Европе в ходе Крестовых походов сложились устойчивые пути поклонения святым мощам, самым известным маршрутом стала «дорога Святого Иакова» к месту упокоения апостола в г. Сантьяго-де-Компостела, которая была усыпана соборами, открывавшимися как раз для поклонения и торговли святыми мощами. Аналогичные процессы проходили и на Руси, правда, с традиционным запаздыванием. Самыми привлекательными целями паломников становились наиболее значительные религиозные центры Древней Руси — Киев, Новгород, Полоцк, Витебск, Туров, Пинск и др. Впоследствии список этих мест значительно расширяется за счет возникновения крупных монастырей, концентрирующих развитую духовную, экономическую и политическую жизнь, в том числе и за счет создания новых паломнических маршрутов, связанных с появлением мощей местночтимых святых.

Аналогичная ситуация прослеживается и в традициях распространения новгородской иноческой культуры, в которой сложились паломнические маршруты на Север — к Соловецкому и Валаамскому монастырям, формировавшим топологию распространения Новгородской духовности на громадных неосвоенных территориях. Духовные центры благословляли паломников и торговцев, охотников и рыбаков на долгий путь. Подобная поддержка придавала людям уверенность, что их тяжелый и подвижнический труд находится под божественным покровительством и обретает сакральный смысл. В подобных ритуалах формировался не только церковный церемониал, но и создавались условия для трансформации первичных эманаций Эго в индивидуационные процессы и практики Самости. Открытия новых территорий, ресурсов и миссионерская деятельность, по сути, были лишь следствием сформированной иноческой практики индивидуального восхождения от общины земной к общине небесной. В этом и состоял не осознаваемый, но всегда тщательно взращиваемый смысл иноческого подвижничества.

В феномене мощей мы имеем дело с православной сублимацией архаичных практик погребальных обрядов, превращающих тело умершего человека в материальный символ его силы и мощи, которые объясняются глубинными связями с первозданными возможностями природной стихии, архетипическое освоение которых было непременным условием физического и духовного роста. Эти факты широко представлены в многочисленных исторических документах, летописных сводах и житийной литературе Новгородской земли. Например, из Жития псковского князя Довмонта известно, что в его погребении имелось отверстие, на котором зимой выступал иней. Современники считали, что таким образом из мощей святого князя вместо мира исходила «благовонная теплота» [4, с. 18].

Кроме этого в нашем распоряжении имеется огромное количество упоминаний о значимости по-

читания чудотворных останков в храмах и монастырях Новгородской земли. Актуальность темы связывается с бессознательным стремлением преодолеть нарастающую политическую конфронтацию между княжествами с помощью глубоко-почвеннической идеи, основанной еще на языческих представлениях о чудотворной, спасительной силе архетипического образа «Матери — Сырой Земли». Именно мощи являются материальным символом архетипа Матери, а сенсорные контакты с ними позволяют людям обрести силу для Самостного духовного роста. Так «Псковская 1-я летопись» сообщает, что в 1541 г. «сентября 19... погоре все Запсковье; и оу святых чудотворцов Козьмы и Демьяна вся церковь выгоре, и мощи святых ...» [5, с. 110]. «Пискаревский летописец» повествует «о явлении мощем Никиты наугородского» [6, с. 190] в 1560 г. В «Дополнениях к Никоновской летописи» от 1563 г. содержится послание архиепископа Новгородского Пимина царю Ивану в военный лагерь под Полоцком, где он пишет: «...И Генваря 24 день в соборной церкви святая великия Софеи неизреченные Премудрости Божии у новоявленного чудотворца епископа Никиты... пели молебны и воду святили...» [7, с. 353]. «Новгородская II летопись» рассказывает о самых драматических моментах противостояния Новгорода и Москвы в 1572 г. Во время пребывания царя Ивана Грозного в Новгороде был организован крестный ход с иконами «Богоматерь Владимирская» и «Богоматерь Знамение»: «...придоша к дверем Корсунским и туто владыка стал и царь... и поставиша стол и на столе чару серебряну позолочену с водою и мощи святых многих и нача владыко воду святи. И положи в воду мощи святых и вода воскипе в чаре» [8, с. 161]. В том же году четвертая жена Ивана Грозного, царица Анна «в ночи молилась в Софии, да по чудотворцевым гробом знаменовалась: Ивана и Никиты Новгородских» [9, с. 421]. В XVII веке практика почитания мощей на новгородских землях в составе Московского княжества сохраняется. Так «Новгородский хронограф XVII в.» под 1653 г. сообщает «о пренесении честных мощей праведного Иакова Боровицкого чудотворца в Иверский Святоезерский монастырь и о раце сребрене. Слышах о сем и прииде в мысль святейшему патриарху Никону о мощех святого праведного Иакова Боровицкого чудотворца, яко велик есть в чудесех, овогда от скудости начальников никим же брегомы честныя тоя мощи, и ни службе святей содеватися на многое время, иерею ту не сушу нестроения ради; еще же о сем желание, яко да пренесутся мощи святого в той новосозданный монастырь» [10, с. 294-295. Л. 632 об.—633]. «Новгородская III летопись» упоминает о важнейшем событии, произошедшем 13 августа 1654 г., когда «в субботу до обедни в Великом Новеграде пренесли мощи благоверного князя Владимира и мати его благоверную княгиню Анну ис паперти от Владычня двора, что словет Корсунская, в церковь в Софею Премудрость божию, и положиша благоверного князя на правой страны, а благоверную княгиню Анну на левыя страны возле входов церковных, и над ними устроиша комары каменные, сии речь своды» [Цит. по: 10, с. 293. Л. 631 об.].

Можно с уверенностью утверждать, что на обширнейших территориях Новгородской земли за многие столетия сформировался уникальный мартиролог целого сонма святых угодников, чьи мощи составляют важнейший структурообразующий элемент храмов, монастырей и поселений вокруг них, а значит, становится неотъемлемым символом православной ментальности. Этот собор выступает материальной основой духовного единения и трансляции божественной благодати. Более ста прославивших себя в веках иноков входят в Собор Новгородских святых, а их пантеон превосходил многие другие в русских землях. Практика почитания святых мощей, их частей и реликвий влияла на создание и трансляцию ментальной традиции, деятельным ядром которой на протяжении десяти веков были монастыри с населяющими их подвижниками-иноками. Именно они создавали определенную духовную атмосферу, в которой отшлифовывалась без участия рационального компонента модель отреченной и созерцательно-молитвенной индивидуации как «процесса внутреннего самоощущения человека» [11, с. 184]. Вполне возможно, что общий эмоциональный фон, который удалось создать, в том числе и святым инокам в пространстве Новгородской земли, и составил духовный фундамент этого уникального геополитического объединения.

Автор знаменитой книги «Православно-догматическое богословие» митрополит Макарий (Булгаков) считал, что сам факт нетления мощей представляет собой «изъятие их чудодейственной силою Божию из всеобщего закона тления как бы в живой урок нам о будущем воскресении тел. ... В Киеве и Новгороде, Москве и Вологде, и во многих других местах нашего Богохранимого отечества открыто почивают многие нетленные останки: св. угодников, и непрестающими чудесами для притекающих к ним с верою громогласно свидетельствуют о истине своего нетления» [12, с. 566].

Так, в грамоте Питирима, митрополита Новгородского и Великолукского (1667) в Нило-Столобенский монастырь об открытии мощей преподобного Нила Столбенского указано, что «гроб и тело его святое земли предадеся, а мощи святяга его целы все» [13, с. 156]. Судя по этой грамоте, работе археографической комиссии Императорской академии наук, включившей ее в свой реестр, придавалось важное значение. Действительно, она проделала колоссальную работу, о чем свидетельствуют только лишь одни хронологические рамки проанализированных ею документов: с 1294 по 1700 год. Все эти четыре века шла напряженная драматическая борьба православной церкви с остатками язычества и факт нетленности мощей использовался как дополнительный аргумент, подтверждающий истинность веры, а значит и незыблемость самодержавной власти. История Новгородской республики является ярким примером подобных процессов. Такая стратегия была вдвойне оправдана еще и потому, что осуществлялась она в условиях жесткой конкуренции «софийной», новгородской и «имперской», московской. Ставки были достаточно высоки, а потому в ход шли любые средства и приемы.

Так уже в 1439 году в Новгороде отмечены первые политически ангажированные фальсификации древних захоронений. Архиепископ Новгородский Евфимий II, принявший постриг в Николо-Вязищском монастыре, переносит из первоначального склепа в приделе Рождества Софийского собора останки князя Владимира Ярославича и его жены. Тогда же предпринимается откровенно конъюнктурная попытка канонизации десяти новгородских церковных иерархов. «Ради торжества этой доктрины (антимосковской — А.Н.) Евфимий предпринимает явную фальсификацию, выдав за Иоанна останки его брата архиепископа Гавриила-Григория» [13, с. 185]. Реформы Евфимия привели к повсеместному изменению способа представления мощей в храмах Новгородской земли. И если в период первоначального становления христианства наиболее авторитетные новгородцы хоронились под спудом храмов, что восходит еще к домонгольским представлениям, то теперь нетленные останки начинают везде перекладываться в раки, ставятся на пол для всеобщего поклонения.

Традиция политических фальсификаций успешно продолжается и во времена правления царя Михаила Федоровича. Описание новгородских святых, датированное примерно 1634 г., представленное в сборнике Новгородской синодальной библиотеки, было составлено протопопом Максимом по заказу царицы Евдокии Лукьяновны. В нем демонстративно упоминается родство святого с царствующим домом: «[...] в церкви Живоначальной Троицы, мощи преподобного Михаила Клопскаго [...] государьского сродича» [Цит. по: 14, с. 220], а также есть указание на то, что в Новгороде хранятся «[...] мощи сродича великих государей Российских князей преподобного и блаженного Михаила Клопскаго, чудотворца [...]» [14, с. 222].

Надо отметить, что династия Романовых достаточно активно занималась формированием своих сакральных оснований и вполне преуспела в этом, причем настолько, что уже в «Духовном регламенте 1721 года» Петра I содержалось высочайшее повеление насчет проверки подлинности мощей святых: «где какия явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и о сем наплутано. На пример, предлагаются чуждыя некия: Святаго первомученика Стефана тело лежит и в Венеции на предградии, в монастыре Бенедиктинском, в церкви святаго Георгия, и в Риме в загородной церкви святаго Лаврентия; тако ж много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италии, и иных си м подобных без числа. Смотреть же, нет ли и у Нас такого безделия?» [15]. Таким образом, была сформирована целая политическая традиция поддержания должного уровня сакральности в обществе, которая подлежала неусыпному государственному контролю. Она в корне трансформировала как языческие, так и раннеправославные, иноческие модели почитания предков и мощей.

В целом необходимо констатировать, что в России, как и во многих других европейских странах, становление христианской идеологии сопровождалось многочисленными подтасовками фактов и от-

кровенными спекуляциями вокруг разнообразных святынь, несущих как сугубо символическую, так и религиозно-политическую нагрузку. Так, по мнению автора, многочисленные фальсификации мощей и активное включение их в экономический, идеологический и политический оборот выступают наглядным свидетельством разрушения христианскими идеологиями традиционного для языческих культур единства поколений. Это, к сожалению, была удавшаяся административная попытка искусственной имитации вновь создаваемого духовного единства, а также дискредитации столь характерных для Новгородской земли иноческих практик подвижнического служения людям и Богу.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Иночество: архетипические и социальные аспекты символизации Самости в духовных традициях Новгородской земли»), проект №14-13-53001.

1. ПСРЛ. Т. 3. М.; СПб., 2000. 320 с.
2. Антоний Новгородский. Книга Паломник [Электр. ресурс]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hozenija/XII/Antonij/frametext.htm> (дата обращения 01.09.2015).
3. Мусин А. Святыне мощи в Древней Руси: литургические аспекты истории почитания // Восточнохристианские реликвии / Ред.-сост. А.М.Лидов. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 363-386.
4. ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. Л., 1925. 245 с.
5. ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. СПб., 1851. 286 с.
6. ПСРЛ. Т. 34. М.: Наука, 1978. 237 с.
7. ПСРЛ. Т. 13. СПб., 1906. 240 с.
8. ПСРЛ. Т. 30. М.: Наука, 1965. 240 с.
9. Реликвии по известиям русских летописей XI—XVII веков / Сост. и комм. М.А.Махонько и Е.М.Саенковой // Реликвии в Византии и древней Руси: Письменные источники. Мю: Прогресс-Традиция, 2006. Ч. 8. С. 317-462.
10. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. 387 с. Л. 632 об.-633.
11. Маленко С.А. Архетипические образы и родовая среда осуществления сознания. Монография. Великий Новгород, 2006. 206 с.
12. Митрополит Макарий (Булгаков). Православно-догматическое богословие: В 2-х т. М.: Аксион эстин, 1999, 2006. 1368 с.

13. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. IV. 527 с.
14. Янин В.Л. Некрополь новгородского Софийского собора. М., 1988. 240 с.
15. Духовный регламент. 1721 год [Электр. ресурс]. URL: http://www.religium.com/_ld/0/1___1721.pdf (дата обращения 01.09.2015).

References

1. PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moscow, Saint Petersburg, 2000. 320 p.
2. Antonij Novgorodskij. Kniga Palomnik [Book Pilgrim]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hozenija/XII/Antonij/frametext.htm> (accessed 01.09.2015).
3. Musin A., Lidov A.M. (ed.). Svjatye moshhi v Drevnej Rusi: liturgicheskie aspekty istorii pochitanija [The holy relics in ancient Russia] // Vostochnohristianskie relikvii. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2003, pp. 363-386, 238 il.
4. PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5. Vyp. 2. Leningrad, 1925. 245 p.
5. PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 5. Vyp. 1. Saint Petersburg, 1851. 286 p.
6. PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 34. Moscow, Nauka Publ., 1978. 237 p.
7. PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 13. Saint Petersburg, 1906. 240 p.
8. PSRL. [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 30. Moscow, Nauka Publ., 1965. 240 p.
9. Mahon'ko M.A., Saenkova E.M., comp. and eds. Relikvii po izvestijam russkikh letopisej XI-XVII vekov [Relics of Russian chronicles Izvestia XI-XVII centuries]. Relikvii v Vizantii i drevnej Rusi: Pis'mennye istochniki. Moscow, Progress-Tradicija Publ., 2006. Part 8, pp. 317-462.
10. Tihomirov M.N. Russkoe letopisanie [Russian chronicles]. Moscow, 1979. 387 p. L. 632 ob.-633.
11. Malenko S.A. Arhetipicheskie obrazy i rodovaja sreda osushhestvlenija soznaniya [Archetypal images and the birth rate of the consciousness]: Monograph. Velikij Novgorod, 2006. 206 p.
12. Mitropolit Makarij (Bulgakov). Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie v 2-h tomah [Orthodox Dogmatic Theology in 2 volumes]. Moscow, Aksion jestin Publ., 1999, 2006. 1368 p.
13. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj Imperii arheograficheskoju jekspediciju Imperatorskoj Akademii Nauk [Acts collected in libraries and archives of the Russian Empire Archeological expeditions Imperial Academy of Sciences]. Saint Petersburg, 1836, vol. IV. 527 p.
14. Janin V.L. Nekropol' novgorodskogo Sofijskogo sobora [Necropolis of St. Sophia Cathedral in Novgorod]. Moscow, 1988. 240 p.
15. Duhovnyj reglament. 1721 god [Spiritual regulations. 1721]. Available at: http://www.religium.com/_ld/0/1___1721.pdf (accessed 01.09.2015).